

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

В статье рассматриваются мероприятия советского руководства по удешевлению промышленной продукции. Исследуются основные противоречия и проблемы, тормозившие снижение себестоимости продукции государственной промышленности в 1920-е – начале 1930-х гг.

Современное состояние отечественной историографии, на наш взгляд, свидетельствует о том, что как для понимания французской революции потребовалось более ста лет, так и осмысление советского периода придет еще не скоро [1]. Наша задача – лишь приблизиться к пониманию исторического значения советской эпохи, которая при всех негативных чертах – все-таки наша история, и отряхнуть «ее прах с наших ног» мы не можем. Здесь не обойтись двумя красками. Думается, что для отечественных исследователей советской истории по-прежнему актуальна проблема, сформулированная Марком Блоком: «Судить или понимать». Историк должен прежде всего стараться понять и объяснить.

Все это актуально для современной отечественной историографии, посвященной проблемам индустриализации в 1920–1930-е гг. [2]. В научной литературе утверждается признание объективно стоявшей перед страной задачи модернизации в СССР в контексте грядущей мировой войны и невозможности ее осуществления в рамках нэпа. Вместе с тем продолжает сохраняться противостояние в понимании природы как самого нэпа, так и первых пятилеток. Чрезвычайно тесно с этим связаны и вопросы эффективности советской промышленности в 1920–1930-е гг. [1–3].

В данной статье ставится задача рассмотреть и понять стратегию и методы снижения себестоимости, повышения производительности труда в государственной промышленности в 1920-е – начале 1930-х гг. При исследовании заявленных проблем важно иметь в виду генезис нэпа. Так, продиалог вначале большевики пытались осуществить в русле прежней политики, направленной на уничтожение денежного хозяйства. Однако продуктообмен не получился, а восстановление денежных отношений с крестьянством произошло вопреки намерениям большевиков. На восстановление кредитно-финансовой системы повлиял и неурожай 1921–1922 гг., и установление торговых отношений с Англией и другими странами, а переведенные на хозрасчет предприятия не могли работать без кредитов и оптовой торговли. Однако и здесь большевики вначале попытались обойтись без банков. Лишь осенью 1921 г. был воссоздан Государственный банк, а затем акционерные коммерческие банки. Банковская система способствовала возрождению предпринимчивости, борьбы за прибыль и духа конкуренции, что противоречило принципам коммунизма. Именно стихийный ход событий поставил на повестку дня денежную реформу. Другими словами, большевистское руководство по сути не имело возможности сопротивляться товарно-рыночной стихии в условиях катастрофического хозяйственного упадка.

В начале нэпа наблюдалось заметное снижение себестоимости промышленной продукции. Так, в 1924/25 г., по сравнению с 1923/24 г., она была снижена в среднем на 13,3 %. Существенно повысилась средняя выработка

на одного рабочего. Например, в 1925/26 г. против 1924/25 г. она выросла на 11,8 % [4. С. 89, 95–96]. Подобный сдвиг во многом объяснялся началом восстановления промышленности, расконсервацией закрытых предприятий, введением сдельной оплаты труда, значительным повышением зарплаты рабочим. Нэп ослабил внешнее давление на человека. Многоукладность означала возможность выбора сферы занятости, что в определенной мере ослабляло актуальность вопроса об отношении к труду. Но данный сдвиг был очевиден не сам по себе, а лишь в сопоставлении с катастрофическим военным коммунизмом и самым началом 1920-х гг.

В дальнейшем подобных подвижек было не много. Механизм торможения в какой-то степени стал формироваться уже при преодолении кризиса сбыта 1923 г., который был порожден тяжелым положением промышленности и ее монопольным господством в хозяйстве. Государство заставило синдикаты снизить отпускные цены. С этого началось утверждение директивного ценообразования, которое не ориентировалось на прибыль. Вначале это привело к быстрому восстановлению промышленности в условиях «товарного голода» и расконсервации предприятий. Но со временем директивные цены стали негативно сказываться на себестоимости, она продолжала оставаться очень высокой, в государственной промышленности сохранялись расточительность и недисциплинированность.

При этом советская пресса редко писала о высокой себестоимости промышленной продукции, а если это и происходило, то ее чаще всего связывала с последствиями самодержавия, издержками революции и самого нэпа. Газеты, наоборот, сильно преувеличивали успехи в этой области. Не случайно Ф.Э. Дзержинский в служебной записке И.В. Сталину еще в середине 1924 г. предлагал запретить писать в газетах «небылицы о наших успехах, заниматься учеными и волокитными опровержениями того, что ясно каждому, а именно, что мы мало производим и много потребляем». Ф.Э. Дзержинский одним из первых предложил «во главу всей нашей политики и всего действенного сознания партии и всего рабочего класса поставить задачу поднятия во что бы то ни стало производительности труда и удешевления производства», а также «прекратить всякие разговоры о повышении номинала зарплаты» [5. С. 40–41].

Важным средством удешевления продукции мог стать хозрасчет, который имел место в 1920-е гг. Однако в среде партийного руководства не было глубокого осознания этого метода хозяйствования. Зачастую хозяйственный и особенно коммерческий расчет рассматривали как временные инструменты воздействия на промышленность. Характерно высказывание председателя Госплана СССР Г.М. Кржижановского, далеко не самого ортодоксального из большевиков, полагавшего, что «начало хозяйственного расчета, выявление

его «коммерческой выгоды» имеет лишь подсобное, временное значение» [6. С. 170].

Ограничению коммерческого расчета способствовало укрепление планового начала в народнохозяйственной деятельности и значительное усиление регламентации и контроля центрального государственного аппарата, ставшие очевидными весной 1924 г. Если до осени 1923 г. управление промышленностью развивалось по пути децентрализации и расширения самостоятельности отдельных хозяйственных объединений, то с осени под влиянием «ножниц» цен, кризиса сбыта и опасений червонной инфляции начался заметный сдвиг в сторону борьбы с экономической стихией и заключение промышленного процесса в плановое русло. Результатом этого становилось все усиливающееся подчинение хозяйствующих субъектов государственной промышленности регулирующим органам государственной власти [7. С. 150, 151]. Откровенно и точно описал ситуацию Е.А. Преображенский: «...цены строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства на заводах Главметалла, с калькуляцией известной прибыли или даже с предвидением убытка, поскольку государство сознательно идет на цены ниже себестоимости и дает заводам дотации из своего бюджета. Все это решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансовых планов отдельных отраслей с бюджетом государства» [8. С. 182]. Ему вторил известный авторитет из НК РКИ А. Гольцман: «Так как внутрииндустриальный оборот теряет свой товарный характер, как по содержанию, так и по форме, то деятельность ВСНХ в большей мере концентрируется на организации производства, чем на организации обмена» [9. С. 11].

Не способствовала снижению себестоимости и система управления промышленностью в 1920-е гг. Она складывалась из следующих звеньев: предприятие (завод, фабрика), лишенное самостоятельности и именуемое поэтому «заведением»; хозрасчетный трест, за которым закреплялся капитал и который вел счет затрат, прибылей и убытков, но при этом самостоятельно не распоряжался ни капиталом, ни прибылью. Трест был приспособлен для получения прибыли, но никаких прав на присвоение и распоряжение ею не имел. Прибыль трестов не только облагалась налогами, но и распределялась государством в лице ВСНХ. Следующим звеном были синдикаты – торговые объединения трестов, которые весьма быстро превратились, с одной стороны, в монополистические органы, а с другой – в еще одну управленческую инстанцию, ограничивающую самостоятельность трестов в снабжении, сбыте, кредитовании, капитальном строительстве и т.д. Возрождавшиеся главы ВСНХ, административные центры управления отраслями промышленности постепенно сближались с синдикатами, что, в конце концов, привело к их полному слиянию в 1930 г. и ликвидации хозрасчета трестов [10. С. 50]. Характерной чертой системы было весьма существенное ограничение самостоятельности основных звеньев – предприятий и трестов. Подобное положение вещей имело и еще одно последствие – упрощение управленческой структуры за счет усиления центральных органов, что затрудняло нахождение более адекватных и эффективных управленческих решений.

Таким образом, власть уже в 1920-е гг. брала на себя явно непосильные функции соединения хозяйственного механизма в единое целое. План убивал рынок.

К середине 1920-х гг. обозначилось серьезное отставание качественных показателей промышленного производства от общего восстановления промышленности. Показателем в этом отношении 1925/26 г. Намечался более замедленный по сравнению с предыдущим годом темп снижения себестоимости промышленной продукции в размере 7–8 %. Но вместо этого в большинстве отраслей промышленности наблюдалось повышение себестоимости по сравнению с 1924/25 г. В среднем по всей промышленности произошло вздорожание стоимости производства примерно на 2 %. Среди причин на первом месте, по мнению центральных хозяйственных органов, стоял рост цен на некоторые виды сырья. Наибольшее вздорожание происходило по статьям «зарплата» и «начисление на зарплату». Это было вызвано набором излишней рабочей силы и ростом зарплаты на 25 % против намеченного планом 15%-го повышения ее при росте производительности труда на 11,8 %, в то время как планом предусматривался рост производительности труда на 22,6 % [4. С. 96–98].

Партийное руководство пыталось исправить ситуацию. Так, в апреле 1926 г. ЦК и ЦКК ВКП(б) объявили о борьбе за режим экономии. ВСНХ под руководством Ф.Э. Дзержинского начинает искать пути сокращения расходов. Однако с весны 1927 г. лозунг «борьбы за экономию» исчезает. Кампания режима экономии практически не изменила картину тотальной бесхозяйственности и страшного разгильдяйства как со стороны управленцев, так и со стороны рабочих. После многих недель ударной работы незначительные успехи выдавались за серьезные достижения [11. С. 156]. Тормозил снижение себестоимости и бурный рост капиталовложений в промышленность, который вырос с 1924/25 по 1926/27 г. в 2,4 раза [12. Л. 1, 7], что, в свою очередь обостряло «товарный голод» на рынке средств производств.

Сложившаяся ситуация требовала не только внимательности, осмотрительности, гибкости и профессионализма со стороны управляющих государственной промышленностью, но и ее хотя бы частичного разгосударствления. На это обратил внимание известный русский экономист С. Прокопович, который в начале 1926 г. подчеркивал, что вряд ли можно ожидать значительно дальнейшего развития промышленности, не дав более широких прав частной собственности и частнохозяйственной инициативе и не поставив во главе предприятий настоящих предпринимателей [13. С. 33].

Схожую мысль выдвигал известный российский металлург В.Е. Грум-Гржимайло в письме известному большевику Г.И. Ломову: «Я считаю, что Советское правительство рано или поздно восстановит частную собственность. Это возможный единственный выход из всех наших неурядиц... Путь нэпа, путь концессий – путь полумер, путь компромиссов. Они отжили свой век» [14. С. 77]. Он предлагал власти по собственной инициативе издать закон о денационализации промышленных предприятий на свободно и точно предписанных советским правительством условиях. Утопия, если иметь в виду ее адресат – большевиков, но, с другой стороны,

эти выводы свидетельствовали о том, что огосударственная промышленность уже тогда имела вполне зримые границы. Между тем «цена» снижения себестоимости в промышленности на один процент в середине 1920-х гг. оценивалась приблизительно в 90–100 млн руб. [15. С. 413].

Неудивительно, что себестоимость промышленной продукции накануне завершения восстановительного периода была вдвое выше довоенной, а стоимость строительства – выше довоенной почти втрое. Это означало, что возможности внутрипромышленного накопления снизились, а потребности в накоплениях для поддержания хотя бы довоенных темпов роста выросли почти втрое. Поэтому рентабельность промышленности в 8–9 % (против 10 % довоенных) поддерживалась благодаря возросшему уровню цен на промтовары, существенно опередившему рост уровня цен на сельскохозяйственную продукцию. Эти данные во многом свидетельствовали о преимуществах дореволюционного развития.

Руководство Советского государства, настойчиво пытаясь добиться удешевления промышленной продукции, все больше уповало на преимущества плана и огосударствления. При этом усиливалось игнорирование объективных требований народного хозяйства, и чем дальше, тем чаще решения принимались вопреки логике хозяйствования и здравого смысла. Об этом свидетельствуют как хорошо известные со времен советской историографии, так и новые факты. Обратимся к одной из ключевых фигур в советской промышленности – В.В. Куйбышеву, который с 5 августа 1926 г. по 10 ноября 1930 г. возглавлял ВСНХ, а затем Госплан СССР. По его мнению, снижение себестоимости было коренной проблемой промышленности, он связывал ее решение с рационализацией производства, техническим прогрессом, повышением трудовой активности трудящихся масс [16], против чего трудно что-либо возразить.

Однако в узком кругу единомышленников на заседании партийной ячейки ВСНХ 18 января 1928 г. В.В. Куйбышев, рассматривая хозяйственные затруднения, утверждал и совсем иное: «Мы знаем, что воля партии творит чудеса, мы знаем, что и на этом хозяйственном участке воля партии уже начинает творить чудеса, и сотворит чудеса, несмотря на все конъюнктурные явления... Надо теперь как никогда и уметь смель, и уметь мочь плыть против течения, против этих как будто бы железных законов конъюнктуры» [15. С. 400]. Вот так и не иначе – «чудо».

Здесь же В.В. Куйбышев выражал надежды на овладение «правильным планированием» и с его помощью на одновременное наращивание объемов производства, снижение себестоимости, повышение качества продукции. Для этого «...нужно отказаться в этом году от грубейших ошибок, которые были раньше, от неправильного планирования, от неправильного проектирования, от ошибок, происходящих благодаря небрежности, благодаря халатному отношению к делу» [15. С. 409, 412]. Перед нами упрощение и вульгаризация сложной технико-экономической проблемы.

При этом он прекрасно понимал, что, не снизив себестоимости, «мы не выполним плана ни в области производства, ни в области капитальных работ... мы сможем дойти до кризисных явлений в области про-

мышленности, а следовательно, и в области народного хозяйства». И в то же время упование на «энергию Коммунистической партии и коммунистов – работников нашего аппарата». Неумение, неспособность пытались компенсировать волевым порывом. В.В. Куйбышев заблуждался, полагая возможным полностью уничтожить бюрократическое управление и добиться «сознательного отношения всех работников к этому делу». Ему казалось, что стоит всем усвоить, осознать, понять важность этих задач, отдать все свои силы, и они будут успешно решены. Но, увы, этого было явно недостаточно для осуществления сложных хозяйственных проблем. И это было очевидно многим экономистам 1920-х гг., не захваченным большевистской идеологией.

Одна из причин такой метафизики, по нашему мнению, в канонизированном ленинизме. Его важнейший постулат – где партия, там и социализм. В 1920-е гг. увеличился разрыв между реальностью и большевистским восприятием реальности. Вожди, замороженные своей идеологией, видели только «пролетарскую» (фальсифицированную) правду. Все происходит так, будто коммунистическая власть может удержаться только не замечая реальности, которой она призвана руководить [17. С. 276].

Обострилась в 1920 – начале 1930-х гг. проблема удешевления капитального строительства, особенно на фоне роста капитальных вложений. Характерно в этом отношении обсуждение этого вопроса в октябре 1926 г. на Президиуме Госплана СССР. Его члены – И.А. Калинин, С.Б. Бернштейн-Коган, М.И. Боголепов – отмечали полную неподготовленность ВСНХ СССР к крупному строительству: отсутствовали проекты; материалы закупались раньше; строительство начиналось при не законченном, не проработанном и не утвержденном проекте; на одних заводах бросали работу, потому что не хватило денег, на других – потому что не имели оборудования. Заместитель председателя Госплана Г.Я. Сокольников определил основной характер формирования промышленной политики «как напор на получение большей суммы денег за счет бюджета без учета опыта прошлого, что приводило к торопливости, бестолковости и азарту» [18. Л.10–11, 64].

Позиция же председателя ВСНХ В.В. Куйбышева такова: «Чтобы не зависеть от заграницы, мы должны развивать новые производства, невзирая на то, что вначале эти производства не будут рентабельными». «Мы не должны смущаться тем, что организация новых производств, вначале вызывая большие затраты и издержки, не дает возможности сразу поставить производство в массовом масштабе» [19].

В контексте этого поучительно объяснение В.В. Куйбышевым причин невыполнения плана по снижению себестоимости продукции: «В 1926/27 г. действовали убеждением в отношении себестоимости, в 1927/28 г. прибегнем к принуждению»; и далее Валерян Владимирович заметил, что рублем лучше действовать, но лучших успехов мы добьемся, когда, не ослабляя нашей кампании по убеждению, прибегнем к принуждению и к поощрению рублем [20. Л. 10]. Здесь стоит напомнить ленинскую фразу 1918 г., высказанную почти по тому же поводу, о необходимости применять принуждение, «чтобы лозунг диктатуры пролетариата не

осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской массы». Между этими высказываниями десять лет, но принципиальной разницы почти нет. Уверенность в возможности разрешить проблему себестоимости принуждением была распространена в сталинском окружении.

Накануне начала первой пятилетки в докладе ВСНХ правительству с сожалением отмечалось, что, за исключением немногих отраслей (нефтяная, общее и сельскохозяйственное машиностроение, электропромышленность), проблема удешевления издержек не разрешена. На повестке дня продолжали стоять задачи, много раз ставившиеся перед промышленностью и профессиональными организациями, как по поднятию производительности труда, так и по снижению себестоимости продукции [21. С. 75]. Дело в том что начиная с 1926/27 г. на предприятиях отмечались значительные излишки рабочей силы, увеличение прогулов, падение трудовой дисциплины [22. С. 123]. Вообще, во второй половине 1920-х гг. динамика себестоимости в промышленности имела удручающую тенденцию (таблица).

Динамика себестоимости промышленной продукции в 1923–1929 гг., % [22. С.123; 23–24]

Год	По плану	Итого
1924/25 к 1923/24	–	–13
1925/26 к 1924/25	–(7–8)	+1,7
1926/27 к 1925/26	–5	–1,8
1927/28 к 1926/27	–6	–5
1928/29 к 1927/28	–7	–4,2

Примечание. «–» снижение себестоимости; «+» рост себестоимости.

Данные таблицы показывают, что во второй половине 1920-х гг., несмотря на все усилия большевистского руководства, себестоимость промышленной продукции не претерпела серьезного сокращения. С момента ее планирования (1925/26 г.) в течение четырех лет предусматривалось ежегодно снижать себестоимость на 5–7 %, но реально это удавалось только в пределах 2–5 %. Налицо тенденция постоянного срыва важнейших плановых заданий, особенно в 1925/26 и 1926/27 гг. Ожидаемого радикального изменения качества работы не просматривалось. Как резюмировал известный партийный деятель, член ЦКК А.А. Солец в письме Г.К. Орджоникидзе: «Все готовы заниматься критикой и корить, но никто не хочет признать свои ошибки» [25. С. 32]. Высокая себестоимость промышленной продукции дополнительно оказывала давление на государственный бюджет, который, кстати, становился основным источником финансирования промышленности. Например, его доля в 1926/27 г. составила 52,8 %, в 1927/28 г. – 54,1 % [4. С. 74].

Поэтому весной 1929 г. нарком финансов Н.П. Брюханов на съезде плановиков обращал внимание на отставание производительности труда и себестоимости от плановых предположений как на предостерегающие моменты начавшейся пятилетки. Еще более откровенно эту проблему представил Л.Н. Юровский на этом же съезде: «Наркомфин не против больших темпов, а против того, чтобы расходы твердо устанавливались на основе не имеющихся еще средств. Он против того, чтобы для осуществления тех или иных темпов в приходную часть оперативного плана вносились такие ресур-

сы, которые, может быть, будут, а может быть, и не будут существовать». Во время своего выступления Л.Н. Юровский, подчеркнув перенапряжение финансовой системы, обратился с вопросом к плановикам: как вы хотите, чтобы финансовая система еще что-нибудь дала? На что получил ответ от Г.М. Кржижановского: «Кроме арифметики планирования, есть еще алгебра». После такой реплики Л.Н. Юровский справедливо заметил, что «ни алгебра, ни высшая финансовая математика не создадут тех материальных ресурсов, которые не создались в самом хозяйстве... Финансовый план будет выполнен постольку, поскольку намеченные качественные показатели будут достигнуты. Как известно, в первый год пятилетки себестоимость, производительность труда не оправдали плановые ожидания» [26. С. 426, 455, 457]. Проблема с качеством во многом обострялась и тем, что основным получателем становились отрасли производства средств производства, где оборачиваемость капитала была значительно ниже, чем в отраслях средств потребления.

Высокие темпы дополнительных капиталовложений в тяжелую промышленность в первой пятилетке во многом не давали ожидаемого результата. Особенно неудовлетворительными оказались результаты в металлургической промышленности в 1929/30 г. Например, Югосталь вместо 10–12 % понизила себестоимость в первом квартале на 1,6 % [23. С. 125]. Известный специалист Ш. Турецкий удивлялся, что первые два года пятилетки дали резкий разрыв качественных показателей от количественных темпов роста. По его мнению, основным фактором разрыва была неразрешенная проблема организации производства. При этом он ссылался на партийный документ, который в качестве главной причины называл неумение хозяйственников «организовать и стать во главе бурно растущей активности рабочего класса». Кстати, это станет своеобразным штампом на протяжении всех 1930-х гг. За два года пятилетки в среднем по промышленности снижение себестоимости осуществлено в пределах 63 % от плана. И это при том, что факторы, во многом определявшие уровень себестоимости (производственные мощности, техническое перевооружение, уровень и степень реконструкции), шли в темпах, обеспечивавших выполнение пятилетки в четыре года [27. С. 15–16, 18].

На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Г.К. Орджоникидзе, тогда еще председатель ЦКК, обрушился на ВСНХ за высокую себестоимость продукции, бесхозяйственность в использовании имеющегося оборудования [28]. Председатель ВСНХ В.В. Куйбышев признал критику абсолютно верной, хотя еще в августе 1928 г. в своем приказе № 914 он обращал внимание на те же вопросы, что и Г.К. Орджоникидзе [29]. Кроме того, в январе – феврале исследованием резервов удешевления промышленной продукции занимались несколько специальных комиссий ВСНХ. В их выводах содержались традиционные для подобных советских документов утверждения о том, что промышленность имеет «внушительные резервы для сокращения себестоимости». По мнению комиссий, тормозом зачастую являлись регулирующие и управляющие органы, начиная с трестов и кончая ВСНХ. Это и запаздывание в утверждении программ, и частый пересмотр их на протяжении года, поздний от-

пуск кредитов, неурегулированность вопросов между-трестовского снабжения, неупорядоченность взаимоотношений технического персонала с рабочими, низкая трудовая дисциплина, неэффективная система оплаты труда [30. С. 88, 97].

В 1929 – начале 1930 г. над этим работали непосредственно на предприятиях несколько правительственных комиссий, которые были «поражены живучестью причин», которые «нигде не давали административно-хозяйственному и производственно-техническому руководству в полной мере реализовать резервы». Отмечалось, что решение о переводе цехов на хозрасчет оставалось на бумаге. Калькуляция не приобрела значения орудия контроля за рационализацией. Предлагалось «пересадить на нашу почву опыт американской калькуляции, которая не ограничивалась регистрацией изменений, а активно вмешивалась в ход производства» [23. С. 125–126, 128]. Между тем И.В. Сталин в феврале 1931 г. утверждал: «Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой» [31. С. 41–42].

По существу, в управлении экономикой установилась система «я так хочу», где ведущее место отводилось усмотрению и волевым усилиям. Это было опасное упрощение, грозящее народному хозяйству и всему обществу огромными потерями и издержками. И они стремительно нарастали в первой пятилетке. В конце 1930 г. на пленуме ЦК ВКП(б) В.Я. Чубарь констатировал, что «эффективность капиталовложений страшно понижается, а предусмотренная планами продукция не получается». В.В. Куйбышев, в обсуждении доклада которого участвовал В.Я. Чубарь, давал едва ли не единственный рецепт преодоления трудностей: «Для нас, большевиков, может быть только один вывод: драться еще больше за те темпы строительства социализма, которые мы уже взяли» [32. С. 6, 17]. «Драться», «бороться», «биться» – это арсенал сталинского руководства в экономической политике, который мало чем мог помочь в снижении себестоимости промышленной продукции.

Далеко не случайно Г.К. Орджоникидзе на XVII партконференции вынужденно констатировал, что тяжелая промышленность в целом не только не снизила себестоимость продукции, а, наоборот, повысила на 5,5 % [33. С. 20]. Еще более удручающие данные за 1931 г. представил конъюнктурный отдел Госплана, который указывал, что «качественная сторона работы промышленности была хуже прошлого года. Себестоимость вместо 8,5 % снижения, наоборот, выросла против прошлого года на 5,9 %. В области качества готовых изделий 1931 г. отличался повсеместным ухудшением по сравнению с предыдущим годом. Остро встала проблема качества машиностроения. На отдельных заводах брак литья достигал 20 %. По станкостроению только за I квартал брак по вине рабочих составил 39,8 %, а за счет низкого качества материалов – 29,8 %. Производительность труда находилась на крайне низком уровне выполнения пятилетки. Неудовлетворительные итоги в области производительности труда характерны не только в промышленности. Аналогичное положение наблюдалось и в других отраслях народного хозяйства» [34. С. 275, 307, 324, 326].

В этом же ряду можно привести и высказывание В.В. Куйбышева в середине 1931 г. Глава Госплана, признавая низкую эффективность промышленного производства («действующий основной капитал промышленности возрос на 15–16 %, а валовая продукция увеличилась всего на 7 %»), в то же время продолжал настаивать, что «ни в коем случае нельзя стать на путь свертывания производства. Если мы хотим драться, то мы обязательно должны задаться большими темпами. Мы должны со всей большевистской энергией и упорством драться за выполнение плана III квартала» [35. Л. 13, 15, 16]. С точки зрения логики хозяйствования, подобная позиция была противоречивой. С одной стороны, себестоимость вместо запланированного снижения неуклонно росла, а с другой – требовала «с большевистской энергией драться» за еще большие темпы.

Между тем, столь существенный разрыв между предполагаемыми резервами и их реализацией заключался, на наш взгляд, прежде всего в том, что резервы во многом были плодом абсолютизации теоретических преимуществ социализма, преувеличения преимуществ крупной государственной промышленности. Некоторые же пути понижения себестоимости, которые видели политики и экономисты в начале 1930-х гг. (перевод на хозрасчет цехов, нормальное внутрипромышленное снабжение, использование эффективной системы оплаты труда, опыт американской калькуляции и проч.), не нашли своего разрешения на протяжении всей советской истории. Применительно к первой пятилетке указанные методы не могли себя проявить вследствие того, что на рубеже 1920–30-х гг. власти отменили коммерческий кредит, централизовали кредитные операции, ликвидировали тресты и синдикаты. Другими словами, поступили уже привычно для себя – упростили, «удешевили». Все это резко ограничило хозяйственную самостоятельность промышленных предприятий, их связь с рынком, абсолютизировало централизацию.

В начале 1930-х гг. началась перестройка оплаты труда в промышленности. С этой целью работала комиссия Политбюро во главе с секретарем ЦК ВКП(б) П.П. Постышевым [36. Л. 18]. В результате была расширена сдельная форма оплаты, а также новая тарифная система была подчинена интересам ведущих отраслей тяжелой индустрии. Если в начале пятилетки, например, металлургия по уровню оплаты находилась на 13-м месте, то в конце пятилетки – на втором; на первое место выдвинулось машиностроение. Комиссия пыталась покончить с уравниловкой [37. С. 113]. Однако она не смогла кардинально изменить ситуацию, поскольку уровень оплаты труда в СССР оставался крайне низким, существовала карточная система и дезорганизованный потребительский рынок, падала покупательная способность рубля. Кроме того, сдельная оплата труда в условиях ускоренных темпов, диктата любой ценой выполнить план по объему производства, наоборот, способствовала росту брака, низкокачественной продукции.

Помимо этого, социально-экономическое положение основной массы рабочих оставалось катастрофическим. Типичными и распространенными были такие сообщения ОГПУ руководству страны: «В связи с низкими расценками настроение металлистов ухудшается, на заводе “Красное Сормово” рабочие открыто посылают

Советскую власть “к черту”; “Вас нужно прогнать”, – говорят рабочие коммунистам...» [38. С. 142]. В письмах рабочих в начале 1930-х гг. постоянно встречаются жалобы на установленные нормы рабочего снабжения, на огромные очереди в магазинах, на припрятывание товаров продавцами с целью их перепродажи.

Крайне негативно отреагировали рабочие на повышение цен на продукты и товары первой необходимости в 1931 г. Составители сборника «Общество и власть: 1930-е годы» отмечали, что источники того времени, которые хранятся в архивах, свидетельствуют о нарастании общественного недовольства, которое выражалось в тысячах писем, жалоб, обращений к властям по поводу обострения продовольственных затруднений, отвратительного питания в рабочих столовых, безобразий, творившихся в очередях. Нормы карточного снабжения, установленные для различных категорий населения, не удовлетворялись, для «отоваривания» карточек просто не хватало продуктов. Так, рабочий из Тулы В.Н. Князев сравнивал рабочий класс с загнанной лошастью [39. С. 18, 20–21].

В дневниковых записях (весна 1933 г.) молодого двадцатилетнего ленинградского служащего отмечается небывалый хозяйственный упадок в стране, жесткий товарный голод, инфляция, он пишет о глубокой безысходности. Вместе с отцом и сестрой они получали 500 руб. в месяц. Но эта сумма в условиях катастрофической дороговизны не обеспечивала прожиточного минимума – приходилось голодать, мерзнуть, денег едва хватало на два-три дня. Хлеба, получаемого по карточкам, было недостаточно, и приходилось покупать коммерческий по 2,5 руб. за 1 кг. За квартиру семья задолжала за два месяца. Автор дневника задавался вопросом: «Что заставляет меня делать то, что делают другие»? И отвечал: «Страх перед нищетой, голодом, смертью». И на этом фоне запись о том, что мастерская стоит без движения уже третий месяц – нет материала, заказов. «Но печать – не унывает. Во вчерашнем номере заводской газеты я прочел, что мастерская “Пальто” выполнила квартальный производственный план на 104 %. Люди умудряются выполнять план, почти ничего не делая. Это поистине чудеса века» [40. С. 134–135, 137].

Конечно, в таких социально-психологических условиях еще можно было как-то решать задачи расширения производства, наращивая его объемы. Однако трудно себе представить, как можно добиться высокопроизводительного и самое главное – качественного труда. Поэтому борьба за выживание, которую вела значительная часть советского общества, не могла решить проблем снижения себестоимости, повышения качества промышленной продукции. В этом отношении пятилетка, можно уверенно сказать, оказалась провалена. Г.К. Орджоникидзе в выступлении на XVII съезде партии низкое качество объясняет невероятной небрежностью, неаккуратностью. Например, электропечь не работает – «зубцы шестерен не зацепляют друг за друга, и никто не удосужился посмотреть, почему это так. Варварски расходуется у нас металл – часто 20–30 % пускается в стружку» [41. С. 178]. Это, с одной стороны, признание срыва в важнейшем направлении промышленной политики, а с другой, традиционное для

большевистского руководства упрощение сложной проблемы. Дилемма темпы – качество не была решена.

Современники уже тогда видели причины, которые тормозили решение указанной проблемы. Так, лидер советских профсоюзов М.П. Томский в конце 1920-х гг. обоснованно указывал на характерную черту молодого рабочего класса – нетерпеливость. Известный ученый П.Л. Капица в середине 1930-х гг. подчеркивал: «Развитие нашей промышленности поражает отсутствием творчества...» [42; 43]. Действительно, стремительное расширение рабочего класса за счет крестьянства и молодежи приводило к росту трудовой недисциплинированности, текучести рабочей силы, недостатку компетентных и обученных специалистов. Как правило, они были способны лишь к простому труду. Их потребности были крайне примитивны. Поэтому массовое вовлечение вчерашних крестьян в индустриальное производство понижало качество рабочей силы.

Вместе с тем в хозяйственной жизни происходили качественные изменения. Стремление как можно быстрее решать сложные экономические проблемы не в последнюю очередь было связано с последствиями Гражданской войны. Как отмечал Ю.А. Поляков, оно объяснялось (применительно к 1920-м гг.) опьянением достигнутой победой, а также непониманием существенного различия между легкостью разрушения и огромными трудностями созидания. Поэтому таким привлекательным казались принципы военного коммунизма, предполагавшие прямой натиск на сохранившиеся устои капитализма, на экономическую отсталость. Переоценка возможностей революции, максимализм и нетерпение вытекали из факта ожесточенной Гражданской войны [43. С. 35, 37]. Максимализм опирался на уверенность, что революция непобедима.

Рост промышленной продукции обеспечивался за счет увеличения численности занятых, к тому же при опережающем росте зарплаты. В годы пятилетки наблюдался разрыв между планом и фактическим ростом производительности труда с 1,2 % в 1928/29 г. до 12 % в 1929/30 г. и 21,5 % в 1931 г. В целом же при плане 110 % производительность труда возросла в промышленности на 51 % [44]. Стоит отметить, что и эти данные скорее всего были завышены. Так, в 1928–1932 гг. не велся учет производительности труда по лесоразработкам и лесосплаву, в мясной, молочной и плодоовощной промышленности [45]. В итоге за годы пятилетки себестоимость вместо снижения выросла. Но здесь надо помнить, что снижение себестоимости и повышение качества продукции регулярно закладывались в годовые планы, предполагаемое снижение себестоимости считалось важнейшим источником накоплений и непременным условием выполнения пятилетки, можно сказать, даже «краеугольным камнем» первой пятилетки. Поскольку же этих накоплений не происходило, то приходилось выискивать дополнительные ресурсы путем выкачивания средств из сельского хозяйства, инфляции, увеличения продажи водки, использования труда рабов XX в. – заключенных и спецпереселенцев. Понятно, что все эти приемы и методы хозяйствования никак не могли помочь сдвинуть с мертвой точки улучшение качественных показателей в промышленном производстве. 1920 – начало 1930-х гг. показали гро-

моздкость, неповоротливость и косность государственного хозяйства, ограниченность в выборе средств по снижению себестоимости промышленной продукции. Партийное руководство во многом внеэкономическими методами определяло систему приоритетов и под них перераспределяло ресурсы, что способствовало росту издержек. Ориентация на темпы и количественный рост государственной промышленности в 1920–30-е гг. станет неотъемлемой чертой социалистической экономики, которая тор-

мозила снижение себестоимости. Обладая уникальными трудовыми и природными ресурсами, большевистское руководство не всегда считало затраты и не принимало во внимание побочные результаты своих целевых установок. Все это, по нашему мнению, закладывало в советской экономике основу сохранения доиндустриального сектора, консервировало в промышленности высокий уровень использования ручного труда, который и в 1980-е гг. составлял 50 млн человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лютов Л.Н. Неэффективность промышленности в условиях нэпа // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 106.
2. Смирнов В.С. Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. 2002. № 6. С. 91–110.
3. Ульянова С.Б. Противоречия «режима экономии» в промышленности в 1920-х годах // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 144–158.
4. Индустриализация СССР 1926–1928 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1970.
5. Служебная записка Ф.Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) генеральному секретарю И.В. Сталину. 9 июля 1923 г. // Индустриализация Советского Союза: Новые документы. М., 1997. Ч. 1.
6. Кржижановский Г.М. Избранные произведения. М., 1957.
7. Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах» // Нэп и хозрасчет. М.: Экономика, 1990.
8. Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926. Т. 1, ч. 1.
9. Гольцман А. Основы организации советского государственного аппарата // Хозяйство и управление. 1926. № 12.
10. Маневич В. История развития советской экономической мысли в 20-х годах // Вопросы экономики. 1989. № 10.
11. Ульянова С.Б. Противоречия «режима экономии» в промышленности в 1920-х годах // Вопросы истории. 2003. № 6.
12. Тезисы В. Куйбышева о капитальном строительстве в промышленности на пленуме ЦК ВКП(б) 3 ноября 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 443).
13. Прокопович С. Что дал России нэп // Нэп. Взгляд со стороны: Сборник. М., 1991.
14. Грум-Гржимайло В.Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело. Екатеринбург, 1994.
15. Куйбышев В.В. Доклад на заседании партийной ячейки аппарата ВСНХ СССР о состоянии задачах развития промышленности. 18 января 1928 г. // Избранные произведения: В 2 т. М.: Политиздат, 1988. Т. 1.
16. Правда. 1927. 14 авг.
17. Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.
18. Стенограмма совещания членов Президиума Госплана СССР 13 октября 1926 г. (РГАЭ. Ф. 4372. ОП. 1. Д. 335).
19. РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 603. Л. 16; Стенограмма объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). 7–12 февраля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 276. Вып. 1. С. 10.
20. Черновик стенограммы доклада Куйбышева на заседании СНК и СТО об итогах выполнения промфинплана 1926/27 г. 28 февраля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 79. ОП. 1. Д. 603.
21. Доклад ВСНХ в СТО СССР «Себестоимость промышленной продукции в 1926/27 г. и первом полугодии 1927/28 г.». Не позднее 20 июня 1928 г. // Первые шаги индустриализации СССР (1926–1927 гг.). Сб. документов. М.: Госполитиздат, 1959.
22. Молчанов С. Себестоимость промышленных изделий в 1926/27 г. // Экономическое обозрение. 1928. № 3.
23. Молчанов С. Себестоимость промышленной продукции на первом этапе пятилетки // Экономическое обозрение. 1930. № 3. С. 117.
24. КПСС в резолюциях... 1924. Т. 4. С. 134, 437.
25. Письмо А.А. Солнца Г.К. Орджоникидзе. 1 июля 1928 г. // Советское руководство: Переписка. 1928–1942 гг. М.: РОССПЭН, 1999.
26. Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на V съезде Госпланов. М., 1929.
27. Турецкий Ш. Качественные показатели и индустриализация // Пути индустриализации. 1930. № 17–18.
28. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи: В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 254.
29. Куйбышев В.В. Избранные произведения. 1936. Т. 1. С. 14, 423.
30. Молчанов С. Проблемы снижения себестоимости // Экономическое обозрение. 1929. № 4.
31. Сталин И.В. Соч. Т. 13.
32. Стенограмма пленума ЦК ВКП(б). 17–21 декабря 1930 г. Печатный текст // РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 2. Д. 460.
33. XVII конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1932.
34. Индустриализация СССР. 1928–1932 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1970.
35. РГАСПИ. Ф. 79. ОП. 1. Д. 543.
36. РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 3. Д. 824.
37. История КПСС: В 6 т. М., 1971. Т. 4, кн. 2.
38. Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М.: РОССПЭН, 2000.
39. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М.: РОССПЭН, 1998.
40. Маньков А.Г. Из дневника рядового человека. 1933–1934 гг. // Звезда. 1994. № 5. Аркадий Георгиевич Маньков (род. в 1913 г.) – доктор исторических наук, автор многих работ по истории России периода феодализма. Живет в Петербурге. К весне 1933 г. полтора года работал на фабрике.
41. Орджоникидзе Г.К. Доклад на съезде // XVII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. 26 января – 10 февраля 1934 г. М., 1934.
42. Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989. С. 121.
43. Поляков Ю.А. 20-е годы: настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. 1989. № 10.
44. Вопросы труда. 1932. № 11–12. С. 31.
45. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. С. 137.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 6 декабря 2004 г.